

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ:

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПЫТ
И ПУТИ
РАЗВИТИЯ
РЕГИОНА

*Первые
Крушановские
чтения, 1998 г.*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ:
Исторический опыт и пути развития региона
(Первые Крушановские чтения, 1998 г.)**

Владивосток • Дальнаука
2001

УДК: 947.045 / .084.64 (571.6)

Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток: Дальнаука, 2001. 352 с. ISBN 5-8044-0136-X.

Представленная книга — результат работы участников Первых Крушановских чтений, состоявшихся во Владивостоке 13—14 мая 1998 г. Чтения были посвящены академику А.И. Крушанову (1921—1991), одному из организаторов исторической науки на Дальнем Востоке, первому и бессменному в течение 20 лет руководителю Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, созданного в июне 1971 г. на базе существовавшего в Дальневосточном филиале СО АН СССР с 1954 г. отдела истории и археологии.

В «Крушановских чтениях» приняли участие ученые-историки, архивисты, преподаватели высшей и средней школы, краеведы из 11 городов Дальнего Востока, Сибири и Европейской части России.

Сборник предназначен для специалистов-историков и всех, кто интересуется этой наукой.

Редакционная коллегия:

В.Л. Ларин (отв. ред.), Г.П. Белоглазов, Л.И. Галлямова (зам. отв. ред.),
Б.И. Мухачев, Ю.Н. Осипов, Л.И. Проскурина, О.И. Сергеев, Е.А. Лыкова,
Л.А. Слабнина, И.Г. Стрюченко, Г.И. Суббот, В.А. Тураев, Л.Е. Фетисова,
В.Н. Чернавская, Т.Н. Ясько, С.И. Лазарева, Г.Н. Романова

Рецензент д-р ист. наук, профессор Э.В. Ермакова

Утверждено к печати Ученым советом ИИАЭ ДВО РАН

ISBN 5-8044-0136-X

© ИИАЭ ДВО РАН, 2001 г.
© Дальнаука, 2001 г.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ*

И. В. НАМ

Томский государственный исторический архив, Томск

Национальная политика Дальневосточной республики — демократического «буферного» государства, существовавшего в 1920—1922 гг. в пределах Забайкалья и Дальнего Востока, — представляет большой интерес с точки зрения осуществления правовых и демократических норм. Особое значение имеет непредвзятое освещение политики ДВР в отношении национальных меньшинств в современных условиях в связи с принятием в 1996 г. федерального закона «О национально-культурной автономии». Эта проблема уже получила известную разработку в отечественной историографии как в общих работах по истории ДВР¹, так и в специальных исследованиях². Однако приоритет в этих работах отдавался, как правило, анализу национальной политики Дальбюро ЦК РКП(б) и правительства ДВР прежде всего в отношении бурят — коренного населения края, в то время как пришлые национальные меньшинства либо оставались вне поля зрения исследователей, либо политика в отношении них, осуществляемая на основе культурно-национальной автономии, подавалась преимущественно в критическом свете³. Исключением является точка зрения Ю.Н. Гавло, которая считает, что «использование культурно-национальной автономии национальных меньшинств как государственно-правовой формы разрешения национального вопроса в условиях демократического государства..., несомненно, было в интересах национальных меньшинств», это был «первый шаг к разрешению национального вопроса, если учесть, что Конституция (ДВР) наделила органы национального самоуправления публично-правовыми полномочиями»⁴.

Территория Дальневосточной республики представляла собой своеобразный в этническом отношении регион. Здесь помимо русских⁵ и автохтонного населения⁶ проживали многочисленные группы пришлых этнических меньшинств: украинцы, корейцы, китайцы, евреи, татары, выходцы из Прибалтики и др. По сведениям, сообщаемым Дальревкомом в ноябре 1922 г. в Наркоац Сталину, наиболее многочисленную группу меньшинств составляли корейцы — 767 427 чел., из них русско-подданных 60 000, затем следовали украинцы — около 350 000 чел. — 60 % населения Амура и Приморья⁷, евреи — 10 600 чел., тюрко-татары — 9 000 чел.⁸ Численность других меньшинств (поляков, латышей, эстонцев и др.) была менее значительна. Пестрота этнического состава диктовала необходимость поиска такой модели национальной политики, которая учитывала бы культурные и хозяйственные интересы всех этнических групп, в т. ч. и пришлых меньшинств.

Уже Декларация об образовании Дальневосточной республики от 6 апреля 1920 г., определившая основы ее общественного и государственного строя, признала право национальных меньшинств на автономию, относя окончательное решение вопроса к ведению Учредительного собрания⁹. Необходимость решения проблемы национальных меньшинств осознавалась всеми политическими силами в ДВР, что нашло отражение в декларациях фракций Учредительного собрания. Так, фракция демократической беспартийной группы (кадетов) заявляла об их праве на «культурное само-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 96-01-00516).

определение», в декларации эсеров указывалось, что они мыслят Дальневосточную республику как независимую демократическую с автономным управлением национальностей, коммунисты также декларировали право меньшинств на автономию: «социал-демократия, работая над оздоровлением национальных взаимоотношений, будет бороться за национально-культурную автономию для народностей, осознавших себя как нация, и национально-культурно-административную автономию для монголо-бурятского населения»¹⁰. Признание всеми фракциями и группировками необходимости предоставления национальным меньшинствам автономии нашло отражение в том, что 12-й пункт Декларации, в котором «всем мелким туземным народностям и национальным меньшинствам» республики гарантировалось «право широкой автономии», был принят единогласно¹¹.

Разработанные туземной подкомиссией Учредительного собрания статьи 121—125 Конституции ДВР, утвержденной Учредительным собранием 27 апреля 1921 г., предоставляли национальным меньшинствам право на культурно-национальную автономию, осуществляемую органами национального самоуправления, избираемыми всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием с применением пропорционального представительства. За органами национального самоуправления признавался публично-правовой статус. Сфера их компетенции распространялась на область культурной жизни. Удовлетворение культурных потребностей обеспечивалось из общегосударственных средств пропорциональной частью бюджета¹². Учредительное собрание высказалось также за необходимость создания Министерства по национальным делам, которое и было учреждено законом правительства ДВР 29 апреля 1921 г.¹³

Приказом № 77 правительства 4 мая по представлению председателя Совмина министром по национальным делам был назначен меньшевик К.Я. Лукс¹⁴, 8 июня вступивший в должность¹⁵. Создавать новое министерство приходилось с нуля — не было ни помещения, ни сотрудников. К началу августа весь штат насчитывал 17 человек. К этому времени был подготовлен проект положения о Министерстве, созданы отделы — бурято-монгольский, мелких туземных народностей, украинский, тюрко-татарский, корейский, еврейский, разных народностей. Были установлены связи с украинскими организациями Забайкалья, Амура (Благовещенск и Свободный) и Приамурья (Хабаровск), тюрко-татарскими организациями Читы, Верхнеудинска и т. д. Началась разработка органического закона о культурно-национальной автономии¹⁶.

Приказом правительства № 115 25 августа товарищем министра был назначен Я.Я. Петрович, тоже меньшевик, который вступил в должность уже на следующий день, 26 августа¹⁷. К началу ноября из необходимого штата в 52 сотрудника имелось лишь 19. Отделы разных национальностей и корейский бездействовали из-за отсутствия сотрудников. По-прежнему не было постоянного помещения. Однако несмотря на плохую связь с местами, недостаток средств велась большая текущая работа по обеспечению культурно-национального самоуправления. Были образованы временные выборные органы национального представительства тюрко-татар в Верхнеудинске и Чите, предоставлены права органов культурно-национальной автономии благовещенскому и хабаровскому тюрко-татарским обществам, украинским радам в Хабаровске, Свободном и Благовещенске, еврейским общинным советам в Благовещенске и Хабаровске, корейским советам в Приамурье и частью на Амуре. С содействия министерства в Чите украинской радой были организованы педагогические курсы в Верхнеудинске, Хабаровске, Хилке и в нескольких селах были организованы украинские начальные школы. Заканчивалась разработка проекта закона о культурно-национальной автономии национальных меньшинств, населяющих ДВР¹⁸.

Согласно проекту, который был готов к началу декабря, для осуществления конституционного права на культурно-национальную автономию национальные меньшинства (украинцы, корейцы, тюрко-татары и евреи) получали возможность объединения в автономные союзы со своими представительными и исполнительными органами, имеющими публично-правовой статус. Высшим представительным органом автономного национального союза являлось национальное собрание, избравшее исполнительный орган — национальный совет. Каждый национальный совет выставлял одну кандидатуру в состав Министерства по национальным делам. Последнее жестко контролировало лишь один параметр: не противоречат ли действия органов национального союза Конституции ДВР и закону об автономии. В объяснительной записке к проекту пояснялось, что культурно-национальная автономия в ДВР носит не территориальный, а персональный характер: «Право отдельных граждан на их участие в культурно-национальном самоуправлении зависит не от места жительства, а от принадлежности к данному национальному меньшинству. Так как принадлежность эта не всегда может быть определена на основе объективных признаков, то критерием национальной принадлежности приходится считать субъективное сознание лица, его личное заявление, и уже на основе таких личных заявлений может быть конституирована известная государственно-правовая общность — национальный союз...»¹⁹. Таким образом, законопроект Лукса—Петровича строился на классической австро-марксистской модели национальной автономии²⁰, определяющими чертами которой являются экстерриториальность, персонализм и признание национальных сообществ коллективными субъектами права. Одновременно с общим законом культурно-национальной автономии разрабатывались временные положения о местных органах национального самоуправления украинцев, корейцев, евреев и тюрко-татар, в задачи которых входило решение неотложных задач культурно-национальной жизни и обеспечение созыва первых национальных собраний.

Однако в конце 1921—начале 1922 г. в связи с тем, что доминирующие в руководстве ДВР коммунисты взяли курс на разрыв коалиции с мелкобуржуазными партиями в Совете министров, была произведена полная смена руководства Министерства по национальным делам. Меншевики К.Я. Лукс и Я.Я. Петрович были уволены со своих постов (формально согласно прошениям об отставке). Вместо них во главе министерства были поставлены коммунисты М.И. Амагаев и Н.А. Мер (в прошлом бундовец)²¹, вторым товарищем министра вскоре был назначен Н. Резников. Уже после отставки Лукса и Петровича 27 марта 1922 г. проект закона «Об автономии национальных меньшинств» после согласования с Министерством иностранных дел и народным контролем²² был внесен на рассмотрение особого совещания Совета министров, которое постановило одобрить законопроект и просить Совет министров утвердить его²³. Однако Дальбюро ЦК РКП (б)²⁴ 26 апреля отклонило представленный Миннацем законопроект, поручив ему разработать и внести на обсуждение в обычном порядке два самостоятельных законопроекта: культурно-национальной автономии корейцев и евреев. Относительно тюрко-татар не говорилось ничего. Украинскую национальность, поскольку влияние коммунистов в руководстве украинскими организациями было ничтожным, было постановлено «не считать имеющей право на автономию»²⁵.

В дальнейшем, по мере того как «буфер краснел», практика национального строительства в ДВР приводилась во все большее соответствие с большевистской теорией и практикой решения национального вопроса в Советской России. И хотя 17 июня была наконец утверждена структура министерства, включавшая в себя отдел национальных меньшинств, закон о культурной автономии так и не был при-

нят. Дальбюро ЦК РКП (б) 29 августа рассмотрело и утвердило представленные М. Амагаевым и Н. Мером «Тезисы по национальной политике ДВР», ориентированные на то, чтобы национальная политика в республике проводилась в «строгом соответствии с таковой в РСФСР» и определялась программой партии, постановлениями партийных съездов и конгрессов Коммунистического Интернационала»²⁶. Формально Дальбюро не отменило закрепленного в Конституции принципа культурно-национальной автономии, поскольку в принятых им в августе 1922 г. «Тезисах внутренней политики» в отношении национальных меньшинств указывалось на необходимость «временно придерживаться рамок местной культурно-национальной автономии, без краевых объединений»²⁷. Однако подобная тактика, по существу, должна была «парализовать» отрицательные последствия реализации на практике этого принципа²⁸. Ограничение культурно-национального самоуправления «исключительно местами поселения данной группы — город, село, без центральных объединений» — предусматривалось до тех пор, пока в органах культурно-национальной автономии не будет «обеспечено преобладание коммунистов и сочувствующих беспартийных»²⁹.

Согласно этим установкам было разработано «Положение о культурных самоуправлениях экстерриториальных национальных меньшинств, проживающих в ДВР», предоставлявшее им право образовывать культурно-национальные объединения лишь на местном уровне. Существенно ограничивались компетенции и функции органов национального самоуправления. Но и этому выхолощенному проекту не суждено было реализоваться, т. к. 19 октября он был отвергнут коммунистической фракцией правительства и Совета министров ДВР³⁰. «Не видя никакой надобности продолжать далее работу в Миннацделе, не достигающую никаких результатов», М.И. Амагаев и Н.А. Резников на следующий день подали заявление об отставке³¹.

С упразднением в ноябре 1922 г. «буферной» республики и вхождением Дальневосточного края в состав РСФСР Министерство по национальным делам было расформировано, его функции переданы отделу туземных дел управления Дальревкома, а отдел национальных меньшинств был ликвидирован³². Национальная политика в регионе окончательно была приведена в полное «соответствие» с большевистской теорией и практикой, не оставлявшими места для культурной автономии.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гавло Ю.Н. Государственный строй Дальневосточной республики. Томск, 1978; Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке. Владивосток, 1987; Он же. Становление Дальневосточной республики. 1920—1922. Владивосток, 1987; Он же. Становление Дальневосточной республики. 1920—1922. Владивосток, 1990; и др.

² Сем Ю.А. Национальная политика Дальневосточной республики // Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Т. 5. Благовещенск, 1963; Шерешевский Б.М. О принципиальных основах национальной политики Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) // Науч. тр. Новосибир. ун-та. Сер. ист. Вып. 2. Вопросы истории советской Сибири. Новосибирск, 1968; Сонин В.В., Митюков М.А. К вопросу об автономии в условиях Дальневосточной республики // Государство и право социалистического государства. Владивосток, 1975; Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917—1923 гг. 2-е изд., доп. Новосибирск, 1983; Нам И.В. Культурно-национальная автономия в России: опыт Дальневосточной республики // Российская государственность: опыт и перспективы изучения. Материалы межвузовской науч. конф. 1—3 июня 1995 г. М., 1995.

³ См.: Шерешевский Б.М. Указ. соч. С. 47—51; Сонин В.В., Митюков М.А. Указ. соч. С. 55—58; Сонин В.В. Великий Октябрь... С. 140—142; Он же. Становление Дальневосточной... С. 180, 183, 184.

⁴ Гавло Ю.Н. Указ. соч. С. 89, 90.

⁵ По некоторым данным, численность русских составляла 1 200 000 чел. См.: Шерешевский Б.М. Указ. соч. С. 42.

⁶ Бурят насчитывалось 115000, тунгусов — 88848, гольдов — 5016, гиляков — 4364, орочей — 2407, ольчей — 1457, якутов — 1201, айнов — 1362, самогиров — 425, ороков — 395, манегров — 160, негидальцев — 423, салонов — 15 (РГИА ДВ, ф. Р-1468, оп. 1, д. 8, л. 242).

⁷ По данным переписей 1910—1917 гг., на Дальнем Востоке (Амурская, Забайкальская, Приморская, Сахалинская области) проживало 427 тыс. украинцев, что составляло 21,1 % населения края, в т. ч. в Амурской области — 147,4 тыс. (43,2 %), Приморской — 270,7 (48,2 %). См.: Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. // Сов. этнография. 1981. № 5. С. 24.

⁸ РГИА ДВ, ф. Р-1468, оп. 1, д. 8, л. 242.

⁹ Гавло Ю.Н. Указ. соч. С. 67, 68.

¹⁰ Там же. С. 71, 74, 75.

¹¹ Дальневосточная республика. 1921. 24 марта, 16 апр.

¹² Основной Закон (Конституция) Дальневосточной республики. Владивосток, 1921. С. 15, 16.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. 1921. 14. Об. С. 4.

¹⁴ Сем Ю.А. Указ. соч. С. 25; РГИА ДВ, ф. 4699, оп. 1, д. 137, л. 2, 3, д. 137, л. 61.

¹⁵ РГИА ДВ, ф. Р-623, оп. 1, д. 11, л. 17; ф. Р-1468, оп. 1, д. 9, л. 1, д. 10, л. 1.

¹⁶ Там же, л. 17—20.

¹⁷ Там же, ф. Р-4699, оп. 1, д. 137, л. 103; ф. Р-1468, оп. 1, д. 38, л. 579.

¹⁸ Там же, ф. Р-623, оп. 1, д. 11, л. 34, 35, 35 об.

¹⁹ Там же, л. 9 об. — 10.

²⁰ В литературе, как правило, концепция национальной политики ДВР, особенно в период, когда руководство МНД принадлежало меньшевикам, характеризуется как «меньшевистско-бундовская». Представляется, что разрабатываемая в ДВР модель по своим функциям и компетенции была гораздо шире, чем это предусматривалось в программных установках меньшевиков и Бунда.

²¹ Дальневосточный путь. 1921. 24 дек.: Дальневосточный телеграф. 1922. 14 янв.: РГИА ДВ, ф. Р-1468, оп. 1, д. 38, л. 575, ф. 4699, оп. 1, д. 331, л. 23, 72.

²² РГИА ДВ, ф. Р-1468, оп. 1, д. 8, л. 233; д. 41, л. 47.

²³ Там же, д. 40, л. 15.

²⁴ Важнейшие вопросы внутренней и внешней политики ДВР поступали на обсуждение правительства после предварительного обсуждения их Дальбюро ЦК РКП (б): члены правительства — коммунисты — входили в состав коммунистической фракции (которой с 25 мая руководило Дальбюро ЦК РКП (б)).

²⁵ РЦХИДНИ, ф. 372, оп. 1, д. 132, л. 53 и об.; д. 131, л. 105.

²⁶ Там же, д. 135, л. 47.

²⁷ Там же, д. 131, л. 190, д. 135, л. 72.

²⁸ Шерешевский Б. Указ. соч. С. 50.

²⁹ РЦХИДНИ, ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 45.

³⁰ Там же, д. 151, л. 7.

³¹ Там же, д. 545, л. 22.

³² Там же, д. 146, л. 9, 10; РГИА ДВ, ф. 1468, оп. 1, д. 41, л. 146.

УДК: 266:947.05 / .083(510)

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КИТАЕ (1685—1917)

Г. В. ПРОЗОРОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

Миссионерство всегда было одним из направлений деятельности Русской православной церкви. И особый интерес русское православное духовенство проявляло к Китаю.

Задача данной работы проследить, как протекала миссионерская деятельность Русской православной церкви в Китае в период с 1685 по 1917 г., выяснить формы миссионерства и выявить причины, по которым, несмотря на большие усилия, Русской православной церкви не удалось создать автокефальную Китайскую православную церковь.

В 1685 г. в Китае появились первые православные. Это были образовавшие на северо-востоке Пекина свое поселение пленные защитники Албазина. За верную службу в войсках династии Цин в составе русской сотни выходцам из России было